

«ЛИШИТЬ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ...»

Материнство – самое ценное, что есть на Земле, Высший дар Бога, данный ЖЕНЩИНЕ.

Многие десятки, тысячи, миллион представительниц прекрасного пола готовы отдать все свое состояние в обмен на то, чтобы стать матерью, чтобы выполнить свою миссию, предназначение, дарованные природой.

Но немногим из женщин чуждо чувство материнства, элементарного материнского инстинкта. Редким... Об одной из них данное повествование.

Крапал дождь, в воздухе нависла мокрота и неуютная сырость.

Три брата и одна сестра. Мальчики сидели в салоне автомобиля на заднем сидении, устремив на меня свои любопытные озорные глазенки и ожидая вопросов на жизненные темы, о которых они ничего не ведали.

Знакомство с братьями прервала открывающаяся дверь салона девушка: старшая сестра Нина, которой недавно исполнилось восемнадцать лет. Чтобы избежать прямого ответа на главный вопрос: «Надо ли лишать мать родительских прав?», обхожу его другим вопросом: «С папой хорошо живется?». Все хором, дружно вчетвером отвечают, что - да.

Глядя на самого младшего из троих братьев Пашу, не могу оторваться от его нежного личика, голубых глаз и легкого завитка кудрявых волос. «Прям, как ангелочек. И как можно отказаться от такого ребеночка?», - крутится у меня в голове.

Чистая выглаженная голубая рубашка в полоску и тонкий джемпер (совсем не засаленный) бросились мне в глаза. «Надо же: какие ухоженные!». И это - несмотря ни на что... Рукой невольно коснулась тонкой ручонки мальчика и спросила: «С мамой хочешь жить?». «Нет, Вы что! Она же – не мама!».

Кажется, знакомство с детками состоялось. Я вышла из машины.

Впечатление о детях сложилось благоприятное. Восхищение старшей сестрой, которая в свои немалые годы заменила им маму, и вместо гуляний всерьез занимается хозяйством, готовит еду, стирает за младшими, следит за уроками и всячески им помогает во всем, конечно, любя и с заботой. И мальчишки – не сводят с сестры восхищенных взглядов, потому что роднее ее и папы никого нет.

А вот мамы, похоже, в их жизни, точно нет. Ну посмотрим, что ожидает нас в процессе. Вдали виднелись фигурки приближающихся свидетелей с нашей стороны по делу. Поодаль от здания суда «нарисовалась» надвигающаяся фигура ответчицы – матери наших детей, в сопровождении мужчины, на вид старше ее намного.

Меня всегда не перестает удивлять способность доверителей вести себя в суде так словно с ними не проводили бесед, не направляли, в каком русле нужно выступать, не делали акцента на важных деталях в пояснениях, ведь линию защиты и позицию в суде отработываем заранее...

«...Ну через месяц дети попросились к матери, ну я и не возражал, не препятствовал, пусть живут с ней... Нет, я их не провожал до дома матери, только взглядом проводил...», - после этих слов клиента мне хотелось вжаться в сиденье стула так, чтобы меня не было видно, и краска залила мое лицо. «Ой, что ж он такое говорит», - пронеслось в голове.

В конце выступления отец сказал очень важные слова: «Неважно, дает денег или нет. Главное, важен совет, участие в жизни детей».

И, действительно, детей, в целом и, в частности, нельзя подкупить подарками, материальными ценностями, для них нет ничего важнее внимания и любви матери.

Ответчица, напротив, выступала напористо и вызывающе. «...Ходят ко мне дети, ходят, вон вчера были. Отец их не пускает ко мне. Да бросила я пить. Да работаю я, работаю».

Суд перешел к опросу явившихся свидетелей. С нашей стороны - их было двое взрослых и ...четверо детей.

«...Знаю эту семью лет двадцать. Да нельзя ей детей доверять! Какая ж она – мать?!. Никакая! Когда Бог давал ей детей, он, напроочь, лишил ее чувства материнства, элементарного материнского инстинкта», - констатировала свидетель. «Помню, однажды вижу, как двое сыновей забивают собаку свою до полусмерти. Оказывается, их мать попросила, так как собака ей надоела».

Какая жестокость!!! И это – не один порок.

Родная сестра моего доверителя была немногословна, будто стесняясь ответчицы, говорила тихо, вкрадчиво и с ропотом. Но главное она сказала, что детям всегда было лучше с отцом, матери – не до детей, нет у нее ни любви, ни привязанности к детям, отец – для них и папа, и мама.

В зал вошла тонкая хрупкая девушка, совсем подросток, во всем ее нежном облике таилась твердость и сила воли, позволяющая ей справляться с тяготами житейского быта, с проблемами неугомонных мальчишек – ее любимых младших братьев, для которых она – надежда и опора. Немного смущаясь на вопрос суда, она начала свой неторопливый рассказ.

«Мамы в нашей жизни никогда не было. Всегда – папа. Вот у меня день рождения был 8 марта. Восемнадцать лет. Так, мама меня позвала домой и пообещала подарок. А когда я пришла, сказала, что нет того набора в магазине. А я пошла позже и увидела его на витрине. Как-то с мамой встретились в магазине, она меняла пятитысячную купюру, я подумала, что сейчас мама мне даст одну тысячу, начала представлять, что я на них могу купить. А мама подходит и ...начинает мне мелочь отсчитывать... 36 рублей протягивает. Я не взяла...».

Боже, это ж как надо не уважать себя, не любить ребенка, чтоб ему дать ...36 рублей. Булка хлеба стоит и того больше.

«...Мальчишки – молодцы. Меня и папу слушаются. Пашка, вообще, отличник, с одной четверкой закончил год. Стас – спортсмен. В апреле победил в соревнованиях, медаль вручили. Папу все любим. Когда мне надо посоветоваться, я всегда к папе подойду, он мне подскажет. Нет, мама – не советчик. Дети ее не интересуют. Она нас на сожителя променяла. Надо лишить ее родительских прав...», - закончила сестра.

«Надо ее лишить родительских прав», - звучало как вердикт мнение от старшего брата.

«...Мама не изменилась. Когда я к ней прихожу, она меня не обнимает, не целует, только когда ухожу – обнимает. Папа часто обнимает, целует, говорит, что любит. Маме не хватает желаний интересоваться нашими делами, в школе, планами...», - скромно завершает свой рассказ младший Паша.

Тут в процесс вмешивается прокурор: «Ну, значит, маму можно ограничить в родительских правах, есть такая мера на полгода?». «Не знаю», - робко отвечает Паша.

Дети, которые с детства несколько живут в стесненных условиях как быта, так и с точки зрения внимания со стороны близких, мне порой, кажутся, более зрелыми, взрослыми, что ли, и мыслят они по-другому, чем их сверстники, будто знают больше того, о чем их современники даже и не предполагают.

Вот и во время допроса мне показалось, что этот щуплый одиннадцатилетний мальчик, стоя за трибуной, из-за которой его едва видно, был гораздо зрелее, мудрее своей матери, над которой вершился позорный суд. Складывалось впечатление, что он всем своим видом извинялся за свою нерадивую мать, ему было неудобно за то, что мы все здесь собрались.

Самым последним в зал вошел средний сын. С ходу начал говорить, что «мама изменилась в лучшую сторону, когда он приходит к ней в гости, то угощает фруктами и пирожными».

Как тааак?! Два других брата говорили, что мать их не ждет, не покупает ни фруктов, ни тортов к их приходу.

Несколько неожиданно.

И тут ключевые слова свидетеля: «Не надо маму лишать родительских прав».

Ну что ж поделаешь?! Сказал - так сказал. Нельзя осуждать: ведь – ребенок!

Процесс подходил к концу, когда из зала послышалось: «Опросите моего свидетеля!». Ну хорошо. Зато на вопрос адвоката ответчица отрицала факт проживания с мужчиной, на которого дети указывали как сожителя матери, который на тридцать лет старше матери.

«...Когда дети приходят, кормим, ну наказывал я за баловство», - глаголит сожитель. «Да какое он имел право бить ребенка по голове, даже за дело», - возмущается мое сознание.

Вот он и сдал с потрохами ответчицу, сам того и не подозревая. Признал факт проживания в квартире, куда матерью детям запрещено приходить, пока сожитель дома.

Затем судья поспешно начала оглашать материалы дела, несмотря на то, что время на часах перевалило уже добрых восемнадцать часов. Неужели, к решению готова?!

Но по настрою, по вопросам, что прокурора, что суда становилось ясно, не лишит она в очередной раз ответчицу материнства. Что-то останавливает суд на вынесение подобного решения: жалость и, одновременно, желание и надежда как-то вразумить мать на добрые дела для своих детей.

Суд отложили.

Мне не давало покоя одна мысль: в деле нет справки из наркологии, почему суду это обстоятельство не интересно.

Читаю Приказ Минздрава. Надо три года, чтобы человека снять с учета. Рассуждаю, если она лежала в апреле 2017 года, значит, по моим подсчетам, еще три года надо состоять на учете. Странно, кто решил, что она снята с учета.

Иду на консультацию к главному наркологу города. Из беседы поняла, что не может лицо быть снятым с учета ранее, чем три года, и то - при условии наблюдения и стойкой ремиссии.

Перед судебным заседанием мой клиент открывает тайну «Мадридского двора». Оказывается, после процесса через два дня средний сын пришел откуда-то и сильно плакал. На вопрос братьев, что случилось, признался, мать накануне суда дала ему 150 рублей и пообещала купить ему велосипед и телефон, если он скажет, что не надо ее лишать прав. А тут он приходит в субботу к ней и спрашивает, где обещанное, а мать сказала, что не купит. Вот он и закатил истерику перед родными: не удержался. Ребенок, ведь.

В очередном процессе задаю вопрос ответчице, почему она не выполняет обещание, данное ребенку. А ответчица, возьми, да и говорит: «Не было велосипеда по его росту».

Вот все и прояснилось: мальчик поддался на психологическое давление и вынужден был дать пояснения, отличные от своих родных братьев.

На вопрос, лежала ли в стационаре, обследовалась ли на протяжении этих двух лет и встала ли на учет в наркологии по месту жительства, отвечает отрицательно. Ну что ж.

Заявляю ходатайство об истребовании документа из наркологии, на что мне судья, есть справка от главного врача наркологии, не состоит ответчица на учете. Странное дело, но на приеме главврач мне не сказал, что был запрос из суда, я помню, задавала ему такой вопрос.

Я вновь настаиваю на том, что не может быть такого, ответчица по всем критериям еще просто НЕ МОЖЕТ быть снята с учета.

Суд внял нашим доводам.

В суд поступила справка о наличии на учете в наркологическом диспансере. Другого и не ожидалось.

До прений из зала вновь последовал крик ответчицы: «А велосипед я сыну купила».

Смех, да и только. Купить-то купила, а зачем заставила его оставлять в доме у себя, чтобы ребенок был всегда связан матерью и не мог давать покататься игрушку братьям.

В судебных прениях я была кратка: «...В то время, как отец сводит концы с концами, изо всех своих последних сил, пытаюсь прокормить детей на свои двадцать тысяч копейка, ответчица не знает, где школа, где поликлиника, когда дни рождения у детей, какой размер

обуви и одежды у них, не переживает, чем живут дети, о чем волнуются, о чем мечтают.

Разве можно назвать женщину, которая учит жестокости, обману, сеет вражду между братьями, учит изворачиваться и приспособливаться, воспитывает в детях низменные чувства, МАТЕРЬЮ?! Я думаю: НЕТ!».

«...Лишить родительских прав ...», - зачитывает ровным монотонным голосом судья. Чувствую, как при этих словах, краска густо прилила к лицу, а волосы стали резко подниматься и ... мурашки побежали по коже.

Это, наверное, от ожидания, от волнения, каким будет решение, и некоторых сомнений: вдруг, у суда другое решение, противоположное мнению органа опеки, и прокуратуры...

И при этом ...нет чувства удовлетворенности, никакого ощущения триумфа, так называемой ПОБЕДЫ по делу, а лишь ...какая-то пустота на душе от того, что на одну «мать» в мире стало меньше, которая по природе своей призвана окружать заботой и вниманием своих потомков, что на четверых детей стало в мире больше, лишенных и материнской ласки и любви, и что в мире появилась еще одна несчастная семья.

С уважением

Адвокат Наталья Сенхеевна

21 августа 2019 года